

| В. А. КУТЫРЁВ

| Последнее
целование

Человек как традиция

|

Владимир Александрович Кутырёв

Последнее целование.

Человек как традиция

Серия «Тела мысли»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961813

*Кутырёв В. А. Последнее целование. Человек как традиция: «Алетейя»;
Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-9905768-9-6*

Аннотация

Захваченные Великой Технологической Революцией люди создают мир, несоразмерный собственной природе. Наступает эпоха трансмодерна. Смерть человека не состоялась, но он стал традицией. В философии это выражается в смене Абсолюта мышления: вместо Бытия – Ничто. В культуре – виртуализм, конструктивизм, отказ от природы и антропоморфного измерения реальности. Рассматриваются исторические этапы возникновения «Иного», когнитивная эрозия духовных ценностей и жизненного мира человека. Нерегулируемое развитие высоких (постчеловеческих) технологий ведет к экспансии информационно-коммуникативной среды, вытеснению гуманизма трансгуманизмом. Анализируются истоки и последствия «расчеловечивания человека»: ликвидация полов, клонирование, бессмертие. Против «деградации в новое»,

деконструкции, зомбизации и электронной эвтаназии Homo vitae sapiens, в защиту его достоинства автор выступает с позиций консерватизма, традиционализма и Controlled development (управляемого развития).

Содержание

Введение. Конца света не будет, а будет...	6
Часть первая. Иная реальность	29
Глава I. Когнитизация антропоморфной реальности, ее философско-исторические основания и последствия	29
1. Последнее слово в познании мира	29
2. От бытийного идеализма к априорному трансцендентализму	41
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владимир Кутырёв

Последнее целование.

Человек как традиция

© В. А. Кутырёв, 2015

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2015

Введение. Конца света не будет, а будет...

О конце света говорят как о возможном чрезвычайном событии. Но это естественное явление, которое рано или поздно наступает для каждого. Когда он умирает. На Земле веками длится непрерывная, страшная для любого отдельного индивида мировая катастрофа, когда все меркнет, гибнет и уходит в небытие. «Под каждой могильной плитой лежит всемирная история» (Гёте). Однако, человечество обновляется, возрождается, воспроизводя себя как родовую сущность. Снимается абсурд ничтожности единичного существования, оно становится историческим, обретает смысл. Жил не зря, не сам по себе, ни для кого ненужный, а ради второго, третьего, третий для четвертого и т. д. Через смену и преемственность конечное существо включается в ряд бытия, делая его бесконечным, «причащается» вечности. Становится (служит) частью Вселенной, или Предвечного Бога как ее антропоморфного образа. Как *Человечество*.

Наше существование может прерваться космо-астрономическим происшествием, однако это внешний, случайный конец света, для кого-то представляет угрозу, пугает, но в норме, «по жизни» не страшит и не угнетает.

Подлинной, т. е. духовно трудно переносимой мировой

катастрофой, абсолютным концом света является (была бы) для человека его смерть: 1) в целом, как родового человечества, всех его настоящих и будущих поколений; 2) не извне, а в силу собственного развития, его законов и тенденций, как общий *самоапокалипсис*.

Смерть как катастрофа развития в виде процесса утраты человеческого в людях, их умаления вплоть до исчезновения, или, то же самое, «превращения в иное» при движении «вперед и дальше». Может быть, по каким-то параметрам к высшему, но для *этого* сущего, его тождественности себе – движение вниз, в про-пасть самоотрицания. Не в пустоту (ее нет), а в Инобытие. Как пустоту для нас. Вперед, быстрее, дальше и – к смерти. Конец света в результате процессов, ведущих к убийству рода – трагическая диалектика истории, которая гнетет его мыслящую часть, ввергая в депрессии, продуцируя «несчастное сознание», лишая бытие смысла. Надеяться жить на том, «другом» Свете, сохранив себя – contradiction in adjecto, парадокс всех парадоксов. Но именно такое будущее обещает нам эпоха постмодерна, превращая индивидов в нечто бес/пост-человеческое, бестелесное, бесчувственное, да, пожалуй, и без(с)мысленное, что на поверхности бытия (у обывателей) проявляется в форме непрерывного назначения и переносов даты конца света. *Прогресс к смерти, смерть в результате прогресса как потери своего качества, самости, родовой идентичности* – угроза, в философской истории человеческого духа практи-

чески не обсуждавшаяся. Потому что не предполагалась, была очень отдаленной, сейчас она выступает как фундаментальная. Пришло время Mortido (влечения к смерти), пост-модерн перерастает в *транс*модерн, когда дальнейшие успехи в производстве и экономике вступают в противоречие с жизненным миром человека как целостного телесно-духовного существа. И требуют его демонтажа. По мере роста влияния NBICS технологий, онтологически реализующихся в качестве микро, космо, инфо, вирту, нано и прочих чужеродных «старой», естественной земной природе миров, макромир сокращается как шагреневая кожа. Экологический кризис приобретает абсолютный характер. Земной Umwelt больше не континент, это остров, непрерывно размываемый бушующим океаном инобытия. Прогресс *пере*-ступает *через* человека, транс-форм(ир)уя его в «человеческий фактор», «человеческий капитал», «агентов», «зомби» или просто в исходный материал для «постчеловека». *Бытие под знаком «транс»: Современная Трагедия.*

* * *

О ней, в каких формах и как она разворачивается, о Новой, измененной относительно природы человека реальности, которая по(на)крывает Землю, о том, как на ней будет жить традиционный человек, а если нет, что за сущее тогда будет (эта) нежит(зн)ь, и какая философия нужна челове-

ку перед фактом экспансии Высоких технологий, предлагаемая читателю книга. Мысли о неммыслимом, о чем в большинстве своем люди избегают думать, а философы боятся философствовать. И о других, все более активном техногенном меньшинстве (пока), кто уже роботообразные, чье сознание похищено силами Иного, торопящихся к самоликвидации, маскируя эту печальную перспективу идеями некой «творческой смерти», или бессмертием в виде чего-то замороженного, а потом оживляемого, или «мертвого бессмертия» путем переноса сознания на «силикон» или, превращения в виртуальные формы, голограммы, «информационные поля», свет, а некоторые ничем не маскируют. Объявляют, пропагандируют, что человек существо отжившее, (за)конченное, его цивилизации больше не будет, что, впрочем, по их мнению, неважно. Самое важное, чтобы не прерывалось главное – «новации и технический прогресс». Прогресс важнее бытия.

Разумеется, в философской работе данные процессы рассматриваются не фактологически, а в духовно-теоретическом преломлении, «по идеям», с анализом борьбы в этой сфере. Борьбы, которую многие, считая себя мыслящими, не хотят видеть, предпочитая абстрактное, оторванное от представлений о добре и зле, описание того, что они (будто бы) видят. Бесценностное, а значит, с точки зрения жизни, и бессмысл(енн)овое философствование. Shut up and calculate (заткнись и вычисляй) – вот суть идеологии тупого сциентизма,

который стихийно формируется, а где-то насаждается в науке, в университетах и стала, как ни удивительно, хорошим тоном, почти доблестью «настоящих ученых». Удивительно потому, что живые, еще не ставшие технократами и потребителями люди в мировоззренческой тревоге, экзистенциальном потрясении, а теоретики и философы науки в основном заняты восторженным или нейтральным пересказом достижений в высоких (постчеловеческих) технологиях. Тем же, кто обеспокоен, встревожен их влиянием на будущее человека, его «деградацией в новое», говорят: «это алармизм»; «это пессимизм»; и наконец, «это философия». Да, философия, а вот закрываться от фактов и логики ярлыками, как будто ими можно что-то доказать или опровергнуть – это не философия, не мудрость, даже не знание в подлинном значении слова. Которые, увы, и господствуют.

Мы подобного беспроblemного теоретизирования старались избегать или хотя бы минимизировать. «Признаюсь, – пишет популярный сейчас у молодежи в Европе автор Фредерик Бегбедер, – меня изумляет всеобщее равнодушие к начавшемуся концу света»¹. Пишет как литератор и художник, с легкой иронией, как бы защищаясь от своего же наблюдения. Философ на это не имеет права и должен, стремясь смотреть на вещи при полном, не исключая тени, свете, соотносить их с перспективами человека. Давать им оценку. Видеть исторические истоки проблем, предлагать их смыс-

¹ Бегбедер Ф. Конец света. Первые итоги. – СПб., 2014. С. 9.

ловые решения, а если возможно, и практические советы. Иначе, зачем нужно все это знание? Если оно перетасовка информации. Наукообразная болтовня без (о)сознания.

Высказанная М. Хайдеггером в начале XX века мысль, что история метафизики есть история забвения бытия, долгое время представлялась гениально-личной догадкой, для многих сомнительной, и не была актуальной. До тех пор, пока веками привычная реальность макромира не стала на наших глазах, стремительно меняясь по своим характеристикам, умахаться. Тождественная жизненному миру, который человек видел, слышал, осязал, она превращается в среду, где он действует, но жить не может. По размерам, скоростям, температурам. Появились наноэлементы, микро и мега-миры, от которых он дистанцируется, экранируется, защищается, направляя туда вместо себя искусственные приспособления и машины. Все технологизирует-ся, автоматизирует-ся. Не только производство, но и бытие, вплоть до возникновения «умных домов», технологизируются также действия и поведение утрачивающих свое (на)значение органов собственного тела. И попадает от всего этого, начавшего самовоспроизводиться искусственного мира, чудовищной эффективности и возросших возможностей Техники – в зависимость. Без нее он – ник-ак и никто. Переворот в судьбе человечества, пожалуй, более радикальный, чем переход от собирательства в природе к ее обработке, к неолиту. **Пост-неолитическая эра.**

Идея забвения бытия казалась надуманной и не была востребована, пока не произошла информационная революция, заменяющая предметы симулякрами и виртуальными двойниками, людей персонажами, слова цифрами, голову чипами, знание компетентностью, формируя Double World (второй мир). С «телами без органов» (для жизни в компьютере органы не нужны) и «телами без пространства» (на экране объемов нет). Который, как будто незаметно, но с поразительной быстротой, в исторически короткое время подавляет и вытесняет наш «традиционный» = жизненный мир. Который становится все менее жизненным, (не)жизненным, безжизненным, реальность – иной, (не)реальной, пост-реальной, инореальной, бытие – небытием. Происходит тот самый «конец света», в ходе которого люди переносятся в (не-ино-пост) бытие, на тот самый «Тот Свет». Становятся (не)людьми, постлюдьми, «люденами и трансхьюманами» – инолюдьми. Средой их существования начинает быть коммуникация, коммутация, новый, (не)словесный, бессловесный, постсловесный, цифровой способ общения – инояз(ык). Происходящее на Земле всегда воспроизводилось на Небе. Мир людей порождал мир Богов. А может, наоборот? Об этом велись споры на протяжении всей истории метафизики, называемые ее основным вопросом. Развитие капитализма радикально изменило христианскую религию, породив протестантизм, – утверждал К. Маркс. Нет, дух протестантизма сформировал буржуазные отношения меж-

ду людьми, – возражал М. Вебер. После возникновения учения о сложных нелинейных системах, структурно-функциональной методологии, теорий самоорганизации и синергетики, знания о положительных и отрицательных обратных связях, о чем в спекулятивной форме речь шла уже в гегелевско-марксистской диалектике: (Все в мире связано во-круг // Примеров мы не будем множить // Нельзя цветка задеть нам вдруг // Чтобы звезды не потревожить) стала общепризнанной необходимостью рассуждать в парадигме «кибернетического (для точных наук) и герменевтического (для гуманитариики) круга». Вопрос в том, где, когда и как, в зависимости от целей исследования в этот круг входить, его размыкать. Чтобы видеть отражение мира вещей и идей друг в друге, точки их взаимопроникновения, влияния и борьбы, превращение предпосылок в следствия и наоборот. При этом мы стараемся не увлекаться схоластическими спорами «об определениях», например, о различии между «пост» и «транс» применительно к обществу и человеку. Ясно, что они пересекаются, а их функциональный смысл, как и большинства других актуальных понятий, плавающий, зависит от контекста обсуждения того или иного вопроса. От ситуации. Она его выбирает. Раскрыть контекст, показать какая трактовка конкретно в данное время «работает» – *sapient sat* (умному достаточно).

Поскольку наша работа мировоззренческая, то конец жизненного мира эпохи премодерна и модерна будет проследиваться, прежде всего, в истории мысли. Как происходило становление иной, постмодернистской реальности в головах самих людей. Какие идеи (при)вели человека, считавшегося когда-то «украшением Вселенной», к отрицанию самого себя. Это, если вспомнить расположение нитей в ткацких станках – основа. Однако к событиям в предметной истории периодически тоже надо отсылать-ся. Это – уток. Чтобы в итоге, двигаясь теоретически, идеально, в сознании, хотя с учетом обстоятельств реального существования, рассмотреть ткань, пелену «забвения бытия» через его зарождение и развертывание как целостного духовно-предметного континуума. К сожалению, наша точка отсчета не столь глубока как у Хайдеггера («атомная бомба взорвалась в трудах Парменида»), а с момента, когда все стало более очевидным, зато более доступным слабеющим современным умам. Фактически начиная с Канта. Именно он, совершив «коперниканский переворот» заложил основы для возникновения постнеолитической, по сути постчеловеческой реальности.

Исторические формы познавательного моделирования мира по линии восхождения «от поэмы к математике»: мифология – онтология – гносеология – эпистемология в рабо-

те только выявлены и обозначены. В центре нашего внимания последняя (современная) стадия этого моделирования – когнитология. И ее философская база – трансцендентализм, генетическим отцом которого был Кант, воспреемником и воспитателем, проложившим ей дорогу в жизнь – Гуссерль. Когнитизация реальности была процессом создания ее новой формы, ведущей, соответственно, к параллельному уничтожению жизненного мира человека. Развита Кантом трансцендентальная философия стала выходом человеческого духа в возможные миры, «в космос». Из естество-знания в знание математическое. Кант вышел в пустое пространство-время, но все-таки оглядывался в иллюминатор на оставляемую Землю, ее эмпирическое бытие, хотя бы как на «вещь-в-себе». Гуссерль, в отличие от него, преодолел эту непоследовательность путем замены «вещи в себе» принципом интенциональности сознания, когда прежней предметной реальности больше нет. Сущностная направленность сознания на вещь снимает необходимость ее самостоятельного существования. Отказ от какой-либо материальности. *Бытие об-является состоянием сознания!*

И все-таки, даже у Гуссерля это преодоление произошло не до конца. Фундамент сознания оставался от физического мира. От «вещей». Да, внутренне он избавил трансцендентальное сознание от «естественной установки», но само оно по-прежнему опиралось на принцип тождества. Исторически тождество есть единство = «комплекс» чувственных

свойств («ощущений») живого человека. Кантовско-гуссерлевский трансцендентальный субъект – его тончайшее представительство, сублимация до чистого пространства-времени. Однако, это не новая сущность. Основа мира остается старой, «посюсторонней». И только в постмодернизме непоследовательность интенциональности («сознание о» – всегда о *чём-то*) преодолевается путем замены принципа тождества и противоречия принципом различия и повторения (Делёз) и мы оказываемся «по ту сторону вещей». Субстанция бытийного философствования заменяется абсолютом отношений, любые вещи рассматриваются как их пересечение и узел. Сознание становится самоценным, функционируя без какой-либо естественной связи с миром и предварительной направленности на него – пустым и чистым. Больше не отражает его. Превращается в *мышление*. Которое саморазвивается в процессе коммуникации. Применительно к человеку его можно считать «не нашим» (только), а машинным. Постчеловеческим. Этот принцип является наиболее глубоким (об)основанием трансцендентализма и когнитивизма как форм философствования уже в иной, пост(бес)человеческой реальности.

В эпоху постмодерна трансцендентализм и когнитивизм реализуются *на практике*: в информационной теории сознания и «письме». Различие /повторение – это философская транскрипция наличия/отсутствия, на технико-математическом языке выражаемых «битами». Таинственные «ве-

щи сознания» Гуссерля были гениальным философско-спекулятивным предвидением единиц информации, возгонкой предметного мира вещей в математический универсум отношений. В виртуальную реальность. «Традиционное» целостное сознание человека распадается на смысловое, понятийное (словесно-образное) – *logos* и формализованное, техническое (мышление-коммуникацию) – *mathesis*. Его вторая форма машинизируется и вытесняет первую, «ручную» (головную), подтверждая высказывание М. Хайдеггера, что «наука не мыслит». Когнитология – теория мышления без сознания, без образов и психики. *Без понимания*. Реальность макромира становится проекцией, «реификацией» вычислительной математики. Лишённое рефлексии коммуникационное мышление превращается в искусственный интеллект как новую реальность. *В Иное*.

На стадии зрелости цивилизация постмодерна перерастает в саморазвивающееся постчеловеческое образование. Сфера инобытия становится определяющей. Она задает цели и идеалы деятельности, отрывая их от интересов сохранения человека как живого существа. От его *Lebenswelt* – жизненного мира, среды, в которой он только и может жить как органическое телесно-духовное существо. От идеологии гуманизма, заменяя ее идеологией техно(цифро)кратизма. Прокламируемое в ней «общество знания» является обществом сетевого постсознательного мышления – «обществом незнания», в котором человек, лишаясь личностных харак-

теристик, превращается в агента информационно-компьютерных сетей, его тело в средство для сбора «данных», чтобы перенести их в Сеть (основное занятие «офисного планктона»). Или в подставку для них. Или в их отходы. Как обобщенное отражение новых обстоятельств (не) существования человека возникают, сначала в философии, а потом захватывает сферу всей культуры, разнообразные теории его конца и смерти. Наступает мир универс(ум)ального «пост/после»: религии, морали, истории, искусства, политики. Все они заменяются «гуманитарными технологиями». Через ге(й)нде-ризм, феминизм и толерантность к ним открылись шлюзы самоотрицания условий воспроизведения живого человека как родового существа: полов (различия их функциональных ролей), семьи, этносов, национальностей. И т. д. Все они заменяются «социальными технологиями». Потому что им на смену идет «иная реальность». Это и есть «конец света» – **эпоха Трансмодерна.**

Судьба человека! Как менялось его состояние и представление о самом себе в историческом процессе «забвения бытия»? Чем он(о) заканчивается? Если перевести этот процесс в антропологический контекст, то придется сказать, что в XXI веке *Он становится традицией.* Тем, что есть, существует, но не подкрепляется дальнейшими потребностями окружающего и пронизывающего его мира, новыми тенденциями развития. Настолько, что рождение человека теперь происходит в результате «традиционного секса» (гово-

рящий, кричащий термин!), такой же семьи и брака. Быть мужчиной и женщиной, продолжать жизнь, рожая детей – традиция. Прогрессивно ими не быть (вместо полов – тендер) и ничего не продолжать (детей покупать, пока есть остальные продавцы или, как предлагают совсем передовые борцы с традициями – клонировать). Хотя «традиционный ребенок» еще не говорят (пока?). Пока не появились «дизайн-бэби». Процесс «традиционализации» человека подкрепляется появлением традиционного и нетрадиционного искусства, намечающегося аналогичного деления культуры в целом, даже традиционной (классической) и нетрадиционной (постклассической) науки и техники. Началась традиционализация человеческой жизни! Как принципиально новый этап ее подавления до, если дело пойдет так и дальше, «окончательного забвения».

Очевидно, что если человек не будет этим тенденциям сопротивляться, не найдет своего места в потоке перемен, то как специфическая форма бытия он исчезнет. И чем дольше не поймет своего изменившегося положения, тем это роковое событие произойдет раньше. Оно уже «при дверях»: в открытой форме, даже не стремясь обмануть себя, люди(?), их теоретики заговорили о необходимости «расчеловечивания человека», его замены чем-то другим. И предлагают варианты, радуясь столь счастливой перспективе. Потом, мол, «соберем лучшего». Еще лет 15–20 назад, это было невозможно представить или показалось бы из серии «мысли о

немыслимом». Абсурдом. Нравственной патологией. Чем-то чудовищным. Но вот возник трансгуманизм (тирансгуманизм), пред(по)лагающий трансформировать существующего Genus Homo, показывая открывающиеся здесь возможности и прогрессивные перспективы. Трансгуманизм можно ругать, проклинать, но это только идеология практически набирающего силы процесса замены функций и роли человека техническими приспособлениями, перекинувшегося на его тело и мозг. Вплоть до реализации проекта полного технического воссоздания, а потом, по-видимому, со скоростью смены технологических поколений, «усовершенствования» (в России известная доктрина Бессмертие – 2045). Далее может быть Доктрина – 2070, 2100... – в направлении человеческого «постбытия» или (пост)человеческого бытия.

Соответственно в «высокой» философии начинают превалировать аналогичные процессы. Эпоха трансмодерна разрушает традиции гуманизма, тем более представления о божественном творении человека. «Транс» как переход мира в инореальность означает отказ существовавших от века представлений о назначении и смысле его жизни. Гуманизм трансформируется в трансгуманизм. В действительности, за пределами философских учений о гуманизме, трансгуманизм – это трансгуманизм, отказ не от идеологии высшей ценности людей, а от их самих. Как формы бытия. Её необходимости на этой Земле. В философской антропологии культивируются наряду с «телами без органов» и «те-

лами без пространства», «постчеловеческая персонология», «гуманология», «творческая смерть», «бессмертие», мода на «зомби» и прочие варианты самоотрицания. Смысл этой категориальной перестройки в приспособлении гуманизма, а фактически антропологии, самого человека к его собственной смерти. Отдание нашего, живого, естественного, предметного, собственно человеческого бытия на милость «того света», техногенной, информационной, виртуальной и т. п. реальности. Человека хоронят недостойно, даже не попросившись. Что, к сожалению, проявляется и в философии, которая стремясь быть актуальной (как актуальное искусство), стала рефлексом, а не рефлексией событий, которой принято (было) от нее ожидать.

Соответственно в сфере гуманитаристики нарастает критика языка. Пошли странные разговоры о «признаках увядания традиционной сигнальной системы» и «конце библейского проекта». В искусстве художественной задачей концептуализма объявлен «выход из плена языка». Разрозненные выпады против слова выливаются в контрлингвистическое движение. Причиной этих тенденций являются все те же явления технологизации и сциентизации современного мира, его переход от логоса к матезису, от слова к цифре. Замена живой речи сначала универсальным абстрактным языком, потом текстом, потом цифровой коммуникацией и, наконец – коммутацией. Хотя в гуманитарном сознании все это происходит в преврат(щен)ной форме концеп-

тов «грамматологии», «археписьма», «скрипторики», «риторики», «антиязыка», маскирующей от людей суть происходящих процессов. Даже от самих ее авторов и носителей. Если на первом уровне лингвистической контрреволюции или, может быть контрлингвистической революции «антиязыком» можно считать языки программирования и коммуникации, что в свое время в завуалированной форме было обосновано, прежде всего, в работах Ж. Деррида, то на втором, когда коммуникация трансформируется в коммутацию, никакой язык больше не нужен. Конец Слова, «которое было у Бога» и Человека. Возникает (не)человек молчащий. Параллельно «слипанию» мира в матрицу нерасчлененного тождества Иного.

В конце XIX века Ницше предупреждал и объявлял: «Я утверждаю, что все ценности, к которым в настоящее время человечество стремится, как наивысшим – суть *ценности decadence*... Я утверждаю, что всем высшим ценностям человечества *недостает* этой воли (к власти. – В. К.), что под самыми святыми именами господствуют ценности упадка, *нигилистические ценности*»².

Я – как автор данной книги, да и как любой честно мыслящий человек – невольник, понуждаемый объективными обстоятельствами следовать за Ницше, полагаю, что теперь *вместо decadence (упадка воли к жизни) утверждаются ценности Mortido (отказа от жизни и воли к смерти).*

² Ницше Ф. Сумерки кумиров. Соч. в 5 т. М. 2012. Т. 5. С. 268.

Под лозунгами прав человека, политкорректности и толерантности господствуют ценности нигитологии и инонизма, идеология автогеноцида. Человечества! Его Бытия! Именно под давлением этих сил человека пора заносить в Красную книгу. Потому что он становится традицией, сохранение которой равнозначно продолжению его дальнейшего существования.

Не видеть подобных тенденций могут только слепые и трусы. Или слепые, потому что трусы, будто бы оптимисты, а на самом деле «комфортники», «гламурники», ленивые души и ограниченные технократы (как много их!), не понимать только те, кто мыслит не дальше хода $e-2 - e-4$ (кажется, большинство, и кажется – ученое). Не случайно эти то и дело по разным поводам ожидания апокалипсиса, его перенос на новые сроки. Потому что *он происходит*, здесь и сейчас, вполне реально. Не обязательно мгновенно, в дыму и пламени, а – эпоха. **«Деградация в новое»**, в состоянии «пост» всего сущего – так можно определить ее трагическую для человечества суть. Новационизм, идеология инновационизма, когда все вещи считаются существующими не для того, чтобы быть, жить, работать, а скорее исчезнуть, замениться другими, более совершенными – это растянутый во времени, непрерывный апокалипсис, фактическая цель переднего края техно-науки. И теперь, когда обоснованная структурализмом и открыто пропагандируемая постмодернизмом в XX веке «смерть человека» реализуется на практи-

ке, посредством его замены в трансгуманизме «люденами» и «трансхьюманами» как чем-то «новым, усовершенствованным», задачей философии становится раскрытие закрывающихся катарактой (прежде всего, техногенной) теоретических глаз человечества. Смысл ее/его существованию придает борьба с наступающим временем. **Борьба за Традицию Человека.** Это наш последний (увы) пока сохраняющийся рубеж обороны.

* * *

Основной = роковой и мучительный вопрос (философии) этого времени: на что надеяться, как вести себя человеку в условиях, когда процесс его «снятия» приобрел объективный характер и прогресс «переступает» через него. Как вырваться из гегелевской тоталитарной ловушки-утверждения, что «все действительное разумно, все разумное действительно», которое нельзя просто отбросить, так как оно говорит о необходимости происходящего. Как относиться к подобной необходимости?

Если она ведет явление, оно встроено в нее, то все великолепно, ее надо только познавать и реализовывать: свобода – познанная необходимость. Такой и была идеология человечества на стадии совпадения технического и духовного прогресса, притом, что его телесное развитие происходило по законам живого. Но если в настоящее время человек по-

знал, что эта необходимость его, как носителя разума, устраняет, является ли она для него разумной? Не разумней ли бороться с ней, имея в виду, что действительность неоднозначна, противоречива, многопланова и плюралистична? В ней, о чем заявляют все, кто находится на переднем крае науки, заложены разные варианты, что развитие реальности принципиально нелинейно и «возможно все». Тогда разумно то, что служит сохранению той сущности, для которой этот разум существует. Разум, если он служит и следует тому, что его уничтожает, сходит с ума, превращается в абсурд. Чтобы он не стал таким, необходимо преодоление неблагоприятной (для нас) необходимости. *Свобода – это преодолеваемая необходимость!* Разум нетождествен (по)знанию, это ум(ение) = способ(ность) оценивать, сравнивать, выбирать. Перефразируя того же Гегеля, «направлять одну силу на другую, чтобы стоя за их спиной, сохранять себя». Такой Разум и надо культивировать как основной вопрос-задачу философии. Как деятельность ради продолжения нашего бытия.

В любом случае, даже если не верить в возможность сосуществования разных миров, не лучше ли тогда умереть достойно, по философски, т. е. отдавая отчет, каким образом привело нас к этому положению вырвавшиеся из-под контроля нерегулируемое научно-техническое развитие. Давайте уйдем мужественно, в памяти опыта и с пониманием амбивалентности результатов своей без(д)умной веры в прогресс. В сознании, хотя бы в лице некоторой части людско-

го рода. В истории человечества было много великих смертей, начиная с Сократа и Христа, но в ситуации его родовой смерти стоит вспомнить артефакт Гамлета, его последние в трагедии, обращенные к Горацио, слова: «Так ты ему (новому наследнику трона), скажи и всех событий открой причину. Дальше – тишина». (Умирает)³. «По-философски» – это не в состоянии эвтаназии, а хотя бы попрощавшись, сохранив честь человека как разумного существа, когда-то населявшего Землю.

Еще более по-философски, пока Печальное Событие не произошло, думать и заботиться, при каких условиях, какие предпринять действия, чтобы оно *не происходило как можно дольше!* Не торопиться к рукотворному концу света, антропологическому апокалипсису, не камуфлировать бессмысленно учеными словами свое «комфорт(абель)ное самоубийство», что оскорбительно для существ, веками считавших себя разумными. Значит, необходимо обуздывать фанатиков любого нового. На фронте каждого технопарка золотыми буквами должна быть выбита надпись: **не все, что технически возможно, следует осуществлять.** Главным социальным институтом в/при/ них должны быть гуманитарные центры как фильтры контроля внедрения новаций. Принимающие решения не по финансово-бухгалтерским соображениям прибыли, а просчитывая их последствия всесто-

³ Шекспир У. Трагедия о Гамлете, Принце Датском (перевод М. Лозинского). Акт V, сцена 2. – М., – Л., Academia. 1935.

ронне и максимально далеко. Прикладные технические работы должны быть подчинены теоретическому и философскому, шире – гражданскому, еще шире – Высшему контролю.

Одновременно, поскольку «мысль не остановишь», надо допустить право на существование игровой науки. Общество вполне может платить ученым как художникам, музыкантам, другим деятелям культуры, откупаясь от них, особенно от их нетрадиционности. Пусть развивается «наука для науки». Пусть проводятся выставки и конкурсы теоретических новаций, без их превращения в инновации. Как актуальное искусство, фактически являющееся игрой ума. Прикладной наукой. Они и так сливаются друг с другом. Последним критерием ценности новых идей в физике объявляется не истина или польза, а «интересность». Чтобы они были любопытны и «раздражали мысль». Тогда пусть андронный коллайдер останется в истории как произведение «научного искусства». Атомные бомбы, если их удастся не использовать – тоже. (Любители прекрасного будут ходить на выставку атомных бомб; в Сарове, в музейной форме, я такую видел; они эстетичны; главное, чтобы изобретения были бесполезны). Не уничтожив себя ради истины и пользы, люди тем более не должны допустить этого акта из любопытства. Мы не торопимся к смерти в индивидуальной жизни, не радуемся ей, хотя она тоже предопределена. Такой теперь должна быть модель поведения родового человека. Жить, смеяться

и верить как дети, влюбленные, посетители тренажерных залов и косметических салонов: вопреки перспективе.

Сохранить Homo genus-vitae – sapiens получится, если сохранится среда, необходимая для его бытия как целостного телесно-духовного существа = Lebenswelt, включая естественный язык как выразителя собственно человеческого, о-со-знающего (не редуцированного к интеллекту, тем более, программированию) мышления. Его/их право на бытие и надо защищать, опираясь на идеи полионтизма и коэволюции, допускающие, в отличие от фаталистического универсального эволюционизма, вечное существование *нашей реализации* возможных миров. Гамлет остался героем на все времена, потому что умер, сражаясь. Герой тот, кто в поединке с судьбой, в дилемме «быть или не быть», выбирает: *Быть*. Если же, в конце концов, наступит конец, чтобы не по собственной вине. Задача времени: *будить Людей, культивировать Язык жизни, поднимать Голос, говорить Слово(а) и не бояться философии Крика...*, призывающего к спасению человека, в надежде, что кто-то нас услышит. С упованием: *Deum salvatorem*⁴.

Так продлимся...

⁴ Бог сохраняет всё (лат.).

Часть первая. Иная реальность

Глава I. Когнитизация антропоморфной реальности, ее философско-исторические основания и последствия

1. Последнее слово в познании мира

Все великие империи, будь-то Римская или Советская, распадались из-за внутреннего нестроения, хотя выглядело это как под воздействием варваров. 2-х тысячелетняя традиционная философия терпит поражение не столько от ударов постмодернистского нигилизма, сколько из-за процессов и событий в царстве человеческого духа в целом. Распад метафизики их продукт, проявление. То и дело торопливо провозглашаемая смерть постмодернизма подтверждает его жизненность, но уже не в виде отдельного течения, а в качестве типа знания и способа существования человека, возникающего в результате охватившей мир новационно-информационной революции. Это глобальная идеология техноген-

ной цивилизации, захватывающей/ая/ одну страну за другой, продвигаясь с Севера на Юг и с Запада на Восток. В культурологии и гуманитаристике ее было принято определять как идеологию постмодернизма. Для понимания онтологического смысла этой идеологии важно: 1) рассматривать ее не интерналистски, изнутри, а как она развивалась вместе и параллельно с историей общества, или минимум, вместе и внутри культуры, или минимум миниморум, внутри философии; 2) во что она превращается на своем последнем этапе, о котором говорят как о «смерти постмодернизма». Или о возникновении «постпостмодернизма». Что «на» и «в» место его.

Падение начинается с вершины, и потеря философией статуса метафизики как высшей формы духа происходит со смещением её внимания с бытия на познание, переносом центра тяжести с онтологии на гносеологию. И. Канта не зря до сих пор считают актуальным философом. Потому что он первый «отказался от мира», объявив его «вещью в себе». Перестав рассматривать объективное бытие как таковое, он перенес интерес и смысл философствования на субъект, сознание и познание. Гносеология, анализ субъектно-объектных отношений становятся синонимом прогрессивного, отвечающего духу времени, «продвинутого» философствования практически до возникновения феноменологии и структурно-лингвистического поворота, не говоря об «отсталых странах», где гносеология была знаменем прогресса в борь-

бе с гегельянством и материалистической онтологией почти до конца XX века. Хайдеггерианство и связанное с ним возобновление внимания к проблемам бытия не могли остановить общий процесс гносеологической деонтологизации философии. Также безуспешно ему противостояли философская антропология и экзистенциализм. Их, да и любые вне-научные формы философствования, можно считать маргинальными уже в неклассическую эпоху, сейчас же, в постнеклассическую, или, говоря культурологическим языком, эпоху постмодерна и «пост-постмодерна», они существуют вопреки, несмотря или по недосмотру адептов и идеологов глобальной сциентизации, технологизации и дигитализации всего сущего.

Однако на отказе от предметно-чувственного мира (опыта, фактов) – от «бытия» и переносе внимания на гносеологию процесс деонтологизации философии не остановился. Он продолжился внутри самой гносеологии. В ней происходит отказ от рассмотрения познания с точки зрения субъект-объектных отношений, от оппозиции субъект-объект как «основного вопроса философии». Сначала он решается в пользу первой стороны – приоритета наделенного сознанием и волей субъекта, больше не отражающего, как в классической онтологии, а изменяющего и преобразующего противостоящий ему объект. Субъект первичен, действует и «создаёт» себе объект. В этом свете всё, что было в философии до Канта, предстаёт как аристотелизм, «птоле-

меевщина». В разработке гносеологии как учения об активно познающем субъекте суть совершённой Кантом коперниканской революции. Заменяя принцип отражения принципом деятельности, гносеологизм ориентирует на исследование новых, уже не онтологических оснований познания...

И сталкивается с онтологичностью (фактичностью) самого субъекта. Хотя субъект может быть не индивидуальным, а коллективным, родовым, он всё ещё обладает «бытием» — носитель опыта и каких-то жизненных характеристик — антропоморфный, духовный, психологичный. Даже если универсализируется. Деятельность, направленная на «что-то», предполагает деятеля, «кого-то», что вместе обуславливает её сущностную апостериорность. Проблема снятия бытийного, особенно антропологического характера активности субъекта встаёт во весь рост только в философии XX века. Ранее предпринимавшиеся такого рода попытки в пользу Бога, Абсолюта или, как у самого Канта, «практического разума», так или иначе, инициировались внезапной, эмпирической, пусть и сублимированной, реальностью. Или предполагались реальными. *Принципиально и радикально проблема деонтологизации философии решается при отказе от субъект-объектной схемы как таковой.*

Это происходит в русле позднего позитивизма и критического рационализма, где гносеология полностью десубъективируется, что означает её выход за рамки философии и превращение в науку. В результате такой трансформации

она прекращает своё существование. Её функции принимает на себя эпистемология. *Эпистемология – научная гносеология, (не)гносеология, бывшая гносеология.* Знание в ней рассматривается и не как отражение, и не как средство преобразования внешнего мира, а в качестве существующего самого по себе, самостоятельно – анализируются его предпосылки, функции, возможности. Эпистемология исходит не из занятого познанием «гносеологического субъекта», а из объективных структур знания *sui generis*. Онтология как бы возвращается, однако, уже в роли онтологии знания. Онтологии как (не)онтологии, постонтологии. Если гносеология это теория познания предлежащей реальности, то эпистемология это *теория самого (по)знания как особой реальности.* Предметная или чувственно-телесная реальность в ней практически исчезает, испаряется. Если она в знании и представлена, то «не собой», а предельно опосредованно – в виде его направленности на что-то (гуссерлевская феноменология) или через обозначение чего-то (структурно-лингвистический анализ). Представлена до тех пор, пока от неё не откажутся вовсе и не будет объявлено, что существует лишь самореферентные феномены, язык, знаки, текст – и ничего больше. Эпистемология – вершина, последний рубеж традиционного, хотя уже облаченного в научные формы философствования, связанная с ним пуповиной анализа внутренних значений внешней предметно-чувственной реальности. После обрыва этой связи постфилософская теория и методо-

логия любой научной активности предстает как новая, универсальная, самостоятельная дисциплина. «Общенаучное» научное знание. *Наукология*. Как вся так называемая научно-аналитическая философия, или «стандартная» позитивистская философия науки⁵.

Казалось, что в контексте трансформации метафизической субъект-объектной философии в науку, у эпистемологии блестящие перспективы. Торопливые теоретики от философии начали переназывать все проблемы познания – и когда процветала онтология, и когда победила гносеология (что называется, «от яйца»), – проблемами эпистемологии. В учебниках по философии науки теории познания, что, впрочем, естественно, больше нет. Она трансформировалась в эпистемологию. А противоестественно, что как раздел, гносеология исчезает и из учебников по общей философии, которая, стремясь удостоиться похвал, что стала научной, избегает своего «основного вопроса» о соотношении мира и человека, объекта и субъекта. Теряя эту проблематику она действительно становится научной, то есть теряет себя и превращается в философию (теорию и методологию) науки. Содержание же теории и методологии науки фактически сводится к эпистемологии. С большей или меньшей полнотой, с сильной или слабее проявленностью, везде – эпистемология. Кто думает по-другому, «онтогносеологически», т. е. гово-

⁵ Может быть, авторитетный у специалистов журнал «Эпистемология & философия науки» переименовать в: «Эпистемология & наукология»?

рит о денотате, истине, о соотношении объекта и субъекта, вспоминает содержание и чувственную предметно-телесную реальность, тот просто консерватор.

Тем временем время летит стремительно, технологии меняются каждые 3–5 лет и от эпистемологического ствола общенаучного (бывшего философского) дерева пустился и набирает силу смертельный для него побег. В последних, новейших философских изысканиях эпистемология тоже исчезла(!). Вместе с неклассической эпохой. Постнеклассическая эпоха постмодерна отказывается не только от гносеологии, но и от эпистемологии. Пробыл их час, они обе (особенно обидно за вторую, совсем молодую) приказали долго жить. На их месте возникла когнитология. Для легко/мысленно философствующих, или думающих, что они философствуют, ничего особенного не произошло. Во многих словарях, вовсе не старых, слово «когнитология» объясняется путём простого перевода с латыни: «относящееся к познанию; когнитивный – значит познавательный». В «передовых статьях» гносеология и эпистемология срочно заменяются когнитологией, которая опять применяется ко всей истории философии – *ab ovo* или глубже. Ко всей современной философии. Обсуждаются проблемы «когнитивного развития личности», «когнитивные особенности мифологического мышления», «когнитологические механизмы диалога культур» и т. п. Те, кто продолжает говорить о рациональном и иррациональном, утратили чутьё к новому, а не утра-

тившие его вместо этого должны исследовать «соотношение когнитивного и ценностного в научном исследовании». Таким образом, оказывается, что никакой гносеологии и эпистемологии не было. Всегда была когнитология. Кто думает по другому «гносеоэпистемологически», т. е. вспоминает значения, говорит о проблемах интерпретации и реализуемости, смысла и верификации, тот тоже консерватор, хотя быть может не такой злостный как онтологи и реалисты, которые теперь просто архаики⁶.

Как всё же много теоретиков безнадежно отставших от паро, электро, аэро, ракето, атомовоза/хода современности! А может, другими словами, бегущих вперед его? Но именно *словами*, так как на самом деле «бегущие по волнам» (поверхности истории, без понимания её глубинных течений) не хотят считаться, что каждое понятие имеет предел применения (должно быть фальсифицируемо, сказал бы К. Поппер) и «распространенное на всё» утрачивает своё содержание. Становится пустым. Или, если его содержание сохраняется, оно разрушает, выхолащивает неадекватный ему предмет исследования. Отстают, потому что убегают – от сути дела, от драматических противоречий развития. Отсталость в наше время приобретает прогрессивные формы.

Экономя время для последующего дискуссионного рас-

⁶ Может быть, авторитетный у специалистов и переименованный (пока нами) журнал «Эпистемология & наукология» переименовать в: «Наукология & когнитология»?

смотрения содержания когнитологии, воспроизведём её наиболее устоявшуюся базовую характеристику по энциклопедии. «Когнитивная наука (cognitive science) – комплекс наук, изучающих познание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей. Включает в себя исследования, проводимые в таких областях как эпистемология, когнитивная психология, лингвистика, психолингвистика, психофизиология, нейробиология и компьютерная наука. Основания когнитивной науки были заложены исследованиями математика А. Тьюринга по конечным автоматам (1936). Ему удалось показать, что для проведения любого вычисления достаточно повторения элементарных операций. Тем самым открылись перспективы для проверки и реализации известной идеи Т. Гоббса и Д. Буля, что мышление есть исчисление»⁷.

Сущностно в данном определении можно выделить три практически никем неоспариваемых мысли: что когнитивная наука (когнитология) изучает «познание и высшие мыслительные процессы», что она делает это путём «применения теоретико-информационных моделей» и что «мышление есть исчисление». Если гносеология это теория (по) знания внешней реальности, эпистемология это теория знания как особой реальности, то когнитология, в пределе – это *теория всей реальности как особого знания*. Для традиционной философии, вообще для сложившегося способа че-

⁷ Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 264.

ловеческого познания посредством языка – Logos-a, не говоря об образах и представлениях, об интуиции и телесности, это крайне серьёзное событие, означающее, собственно говоря, их ликвидацию. Смерть. *Замену*. Замену не только человека, не только субъекта, не только сознания, до сих пор существовавших эмпирически и выражавшихся преимущественно посредством языка – словами, устно и письменно, вслух и «про себя», но всего Означающего. Которое, отныне, лишается предметности и психичности (ценностей и смыслов). *Становится Информацией*. Место онтологического человека, гносеологического субъекта, эпистемологического со-знания занимает когнитологическое мышление, включённое в один ряд с информацией и исчислением. Они предстают как проявление, коды одного и того же процесса функционирования систем (комплексов) получения, обработки, хранения и, по мере необходимости, активизации информации. Её исчисления или, иначе говоря, мышления. Гносеологическая истина и эпистемологический смысл уступают место когнитивному знаку (цифре). «Телом мысли» в таком случае является не столько человек, сколько компьютерная техника. Компьютер, если по-русски – Универсальный Вычислитель. А если в когнитивистике – Мыслитель. Всё это «подходы к», «проба пера», этапы становления технического, т. е., в пределе, абиотического, немозгового, постпсихического, постсемантического = постантропоморфного мышления. *Когнитология есть теория и мето-*

дология, и только в условном смысле слова «философия», информационно-компьютерных технологий, их доведения до уровня искусственного интеллекта как Реальности и обеспечения её пространственно-временной экспансии внутри человеческой цивилизации на Земле и в Космосе.

При содержательном понимании когнитивности, мы видим, что повальное употребление данного понятия превращает его либо в пустышку, либо ведет к теоретически странным, необычным сопряжениям смыслов, превращая их в абсурдные. Что это будут за «информационные особенности мифологического мышления», «вычислительное развитие личности», «постсемантические механизмы научного исследования» или «соотношение математического и ценностного в диалоге культур»? Если здесь есть проблемы, а они есть, притом самые острые, то они требуют специального разъяснения, особого направления философствования, изучающего взаимодействие разных миров и онтологии, разных способов теоретизирования, принципиально по-новому ставящих вопрос о соотношении технического и гуманитарного знания. Нужен осознанный анализ как принятия, так и не принятия когнитивизма. Для о-предел-ения сфер его ответственного использования. Ясно одно, что это последняя, завершающая форма словесного познания мира, дальше и после нее вместо слов будут цифры. Уже сейчас в ней говорится о формализации, «цифрах и исчислении», но пока словами. Задачу ставит человек, а решать ее должны машины. Напри-

мер, «автоматического извлечения информации из текста». Возникла «компьютерная лингвистика». Потом машины будут ставить и задачи. Тогда когнитология, окончательно избавившись от непоследовательности, превратится в дигитализм. В рамках computer science.

Критически относясь к универсализации когнитологии, её распространению на всё и вся, особенно в истории мысли, в психологии, лингвистике и, разумеется, в философии, мы не имеем оснований считать, что её /по/явление было результатом произвольного изобретения. Ею завершается *нарастание абстрактности духовного освоения человеком мира по линии восхождения от «поэмы к матеме»: мифология – онтология – гносеология – эпистемология – когнитология*. Также как нельзя считать, будто постмодернистская эпоха не имеет предпосылок в модернизме и сама является чем-то застывшим, завершённым. Не исследуя почвы, корней и ствола бурно растущего древа познания, ставшего когнитологическим кустарником, невозможно понять и в интересах человека оценить его плоды. Предположить, куда оно будет распространяться дальше. Без такого понимания мы останемся в плену «идеологического постмодернизма», манипулирующего словами без соотнесения с порождающим их бытием. И тем самым маскирующим новую, иную, постчеловеческую реальность, которая приходит, надвигается, лишая нас шансов, где возможно, к ней приспособливаться, а где нужно – с нею бороться.

Будем копать. Понимая, что формализация, когнитизация и меонизация мышления подобны механизации, автоматизации и ликвидации физического труда, а также, что археология (знания) требует ручной работы (головой), в ней нельзя пользоваться тяжелой машинной (компьютерной) техникой.

2. От бытийного идеализма к априорному трансцендентализму

Молодые не знают, а старики кое-кто помнят, что прежде чем всё стало информацией, а любое сущее, не исключая человека и общества, её кодом, существовала Природа, Естественное (калька с греческого – фю(и)зис, с латыни – натура). Статусом подлинности обладала чувственная реальность. Соответственно, философия предавалась изучению окружающего мира, возгонке в мысль того, что человек видел, слышал, осязал – и была мета/физикой, натур/философией. Для метафизиков = натурфилософов природа представлялась некой самой себя обосновывающей сущностью – субстанцией, носителем всех воспринимаемых человеком качеств. С развитием науки как естество-знания, природа-субстанция теряла свои непосредственно чувственные качества и превращалась в Материю, которую естество-испытатели рассматривали как конкретный материал изучения и преобразования. Постепенно натурфилософы тоже переориентировались на материю-материал и стали за-

ниматься вопросами естество-зна(пыта)ния, превращаясь в «материалистов», сочетая веру в природу-материю как субстанцию с осмыслением результатов, достигнутых науками в изучении её конкретных свойств. В европейских университетах даже в Новое время на философских факультетах фактически занимались естествознанием, они были родственны факультетам медицины и противопоставлялись факультетам богословия. Западный «доктор философии» профессионально до сих пор может быть физиком и математиком. Материализм соперничал с идеализмом всю классическую (модернистскую) эпоху и начал утрачивать влияние, когда наука обратилась к исследованию «невидимых» миров, микро и мега реальностей и отношений, т. е. превратилась в неклассическую. В XX веке.

По мере того как наука теряла связь с непосредственно воспринимаемой эмпирией, онтологический, как механический, так и диалектический материализм становился «гносеологическим», «научным», «функциональным», «знаковым» и т. п. Но в принципе его время кончилось и в ситуации постмодерна он, как и природа, жёстко табуированное слово. В среде «пишущих философов» прослыть материалистом (не вульгарным, «элиминативным», а континуальным, онтологическим) также неприлично как идеалистом в эпоху, когда все были марксистами, пока не щелкнул старо-новый классово-идеологический бич и панургово стадо не рвануло в противоположную сторону. Если кто отважится, то отча-

янная голова, кому чужая жизнь копейка, да и своя пятак. Об этом, впрочем, мало кто узнает. Антропо-материалистически ориентированные мировоззренческие тексты практически не публикуются, разве что под покровом экологии, от которой – от самой, в обстановке творящейся инновационной вакханалии, остаётся пустое слово.

В «высокой философии», непосредственно не связанной с естествознанием, материализм никогда не занимал высокого положения. В кабинеты и парадные залы его не пускали, держа в прихожей, в лучшем случае, на кухне, в спальне. Гегель, как известно, вообще не считал его философией. И вот теперь, когда он «был всюду принят, изгнан отовсюду», казалось, наступило время полного торжества идеального и его теоретиков. Однако никаких кликов ликования не слышно, больше того, постмодернистскому деконструированию подвергается не столько материализм (которого как бы нет), сколько «платонизм». Платон для постмодернистов стал каким-то жупелом (правда, в постпостмодернизме его реабилитируют, но это требует особого разговора). Декарт и Гегель тоже не в почете, Бога умертвили, критика центризма, начавшаяся с критики теоцентризма, завершается разрушением любой вертикали, линейности и семантики. В борьбе с классикой классический идеализм главный объект атаки, ибо он является её высшим достижением. Важно разрушить «естественную установку»: сам принцип бытия, присутствия, онтологию, неважно материальную или иде-

альную; ликвидировать принцип отражения, образца-копии, неважно отражается ли природа в сознании или эйдосы, дух, идея воплощаются в природе; снять саму бинарную, неважно дуалистическую или монистически-диалектическую оппозицию лого/с/центристского мышления. Идеальное, идеализм – Победитель, понунив голову, уходит со сцены вслед за поверженным и лежащим на пол(у)е боя побеждённым соперником – природой и материализмом.

Это в центре нигилистического, меонистического цикла, уносящего традиционную философию. По его краям, в самой философии начались аналогичные процессы. Вслед за «материей» куда-то исчезает и «идея», идеальное. В «Новой философской энциклопедии» (М., 2001), например, идеализму уделена 1 (одна!) страница, а слово «идеальное» отсутствует вовсе (!!). Факт особенно показательный, если вспомнить, какие страсти бушевали вокруг них во времена «старого» издания, где идеализму было посвящено 13 страниц, а идеальному 9. (Щадя жизнь философов советского воспитания, соотношение статей по материализму лучше хранить в тайне)⁸.

⁸ Реконструированный Э. В. Ильенковым метод «Капитала» К. Маркса как «восхождение от абстрактного к конкретному» и вытекающая отсюда бессубъектная трактовка идеального стали порывом, предтечей перехода к трансцендентализму. Но в сравнении с последним, он недостаточно последователен, остается в рамках реализма и потому не используется, забыт. Современные аналитики марксизма начали трактовать его и всю немецкую классическую философию как род «конструктивизма» (см., например, работы Тома Рокмора). Глядя того конструктивистом объявят Фалеса. Такая редукция реализма к парадигмальной

Все это, конечно, не по забывчивости или безответственности. В текущих исследованиях «идеальное» фактически вытеснено понятием «виртуальное». И настолько, что первыми виртуалистами вот-вот объявят Парменида, Фалеса, а может кого и раньше (теперь, не шутите, вся культура, а у «неофундаменталистов» и природа стала виртуальной); при переиздании философских классиков в некоторых предисловиях слово «идеальное» по-тихому стали заменять (подменять) на «виртуальное». Виртуальное, не так давно переводившееся как «мнимое», претендует быть более реальным, чем «реальное реальное». Как идеальное в идеализме – субстанцией. Поток статей и диссертаций по виртуалистике несравнимо мощнее, нежели по проблематике идеального, от которой остался слабенький, почти пересыхающий ручеёк. В суть(щ)ности говоря, идеальное отправлено в архив вслед за материальным вместе с так называемым основным, главным, центральным, кардинальным вопросом всей метафизической философии»: что есть Бытие (Природа, Бог)? Какое оно, материальное или идеальное? Вместе с самим бытием. В шею его! Что и отразилось, по мере сил, не всегда последовательно, в Новой, оправдывающей это слово, российской философской энциклопедии самого начала XXI века (М., 2001 г.).

Как видим, судьба всю жизнь братски враждовавших по-

сейчас потенциалистской кантианско-фихтеанской линии есть вопиющая модернизация и антиисторизм.

нятий материального и идеального одинаково печальна. Хотя в разной степени. Если у материализма не осталось даже наследников, по крайней мере, прямых, то у идеального есть, не всеми правда признаваемый, восприимчивый – виртуальное, которое (в свидетелях все следящие за текущей философской жизнью) стремительно стремится занять его нишу. А не признаёт его опять-таки «высокая философия». Какое-то оно сомнительное – «техническое», без корней, без истории и традиции. Обсуждают его в основном в русле философии науки, техники и информатики. Выскачка. И вот – спрос рождает предложение – в последнее время на наследство идеального объявился еще один претендент. Это – *трансцендентальное*, которое, пожалуй, может вступить в спор за наследство с виртуальным, претендуя на него по праву первой очереди. Ибо укоренено в истории философии: идеализм различался как субъективный, объективный, абсолютный и – трансцендентальный. Правда, до смерти «классического идеализма», понятие трансцендентального держалось скромно, как обозначение одного из не самых значимых направлений, известного в основном специалистам по Канту неокантианству и феноменологии и о котором не пишут в учебниках. Теперь оно выходит на большую дорогу. Этот, по словам Гегеля, «варварский схоластический термин», заимствованный Кантом из средневековой теологии, распространяется всё шире и по последним наблюдениям в своей «обратной экспансии» дошел до Декар-

та. Уже появляются высказывания насчет «трансцендентального идеализма Платона», имитируются неокантианские попытки «трансцендентального измерения гуманитарного знания», вплоть до укоренения трансцендентального в экзистенциальном!?!). Опять все признаки набирающего обороты запутывания существа понятия противоположными или посторонними смыслами, его превращения в «необязательное» слово. Как с когнитивизмом и виртуалистикой.

Пока этого не произошло (откапывать его в виду сложности для понимания будет особенно трудно), обратимся ко времени, когда оно обрело свой действительный смысл, связанный с разрывом с прежней метафизической философией и поворотом от онтологии к гносеологии, потом к эпистемологии, а далее к когнитивистике. Философия трансцендентального идеализма и когнитивизм внутренне взаимообусловлены, вследствие чего И. Канта можно считать первым представителем когнитивного моделирования мира.

Так чем отличается трансцендентальный идеализм, осознававшийся самим Кантом как *беспрецедентный* в истории философии, от прежнего, «метафизического» идеализма? От «неспособного указать никаких критериев истины» субъективного идеализма Беркли, от «догматического идеализма Платона», а также от идеализма Декарта, Лейбница, прочих теоретиков, опиравшихся на интеллектуальную интуицию? В Новое время в философии и науке стало утверждаться убеждение, что «познание всякого, по крайней ме-

ре, человеческого, рассудка есть познание через понятия, не интуитивное, а дискурсивное»⁹.

Другими словами, оно должно быть научным, т. е. не выходить за пределы строгой рациональности, в которой и надо искать обоснование его обязательной общезначимости. Ни интеллектуальная, ни чувственная интуиция, ни тем более апелляция к Трансцендентному, её не обеспечивают.

Трансцендентальный идеализм отличается от «обыкновенного» онтологического объективного и субъективного идеализма тем, что постулирование в нём чистого, внеопытного, априорного разума было прыжком человеческого духа из единственной, генетически адекватной ему предметной реальности в возможные миры. Это философский этап его «де-терра-ториализации», возгонки «в космос», в пустоту Ничто. И (об)основание права на существование чистого, не обусловленного природой, материей и обществом, т. е. чем-либо апостериорным, эмпирическим, (Богом, духом, психикой, вообще «означаемым») – знания. Другими словами, не обусловленного Бытием и учением о нём – онтологией. Бытие квалифицируется как «вещь в себе» и больше не присутствует в каких-либо теоретических построениях. Данные опыта, «факты», по мысли Канта, имеют значение постольку, поскольку дают представление о законах эмпирической реальности, но они не могут привести к познанию генезиса и причин этих законов, гарантировать их апо-

⁹ Иммануил Кант Сочинения в шести томах. Т. 3. М., 1964. С. 166.

диктический характер. Законы, в силу которых существует и через которые познается мир, должны быть первичными, «начальными». *Не законы в мире, а мир в законе.* Не разум в Бытии, а бытие в Разуме. Не возможности, открывающиеся в ходе развития действительности, а действительность как воплощение заранее существующих возможностей.

Человеческая мысль долго двигалась к достижению чистоты, свободы и самостоятельности. Первоначально она была полностью «вплетена в бытие» и, неразрывно связанная с переживанием мира (лизали, трогали, нюхали), наглядными представлениями, оперировала преимущественно чувственными образами. Осваивала единичное. Это было «бытие-в-мире». В процессе усложнения практической деятельности, возникают общие понятия, которые требуют преимущественно звуковой, словесной формы, непосредственно не отражающей каких-либо предметов. Такой подход к реальности устанавливался с большим трудом. Вижу чашу, но не вижу чашности, говорил оппонент Платона. Это потому, отвечал тот, что у тебя есть глаза, но нет ума. Тем не менее, люди постепенно осваивали «невидимые», «сверхчувственные» связи и отношения. Формировали «картину мира», в которой появляются беспредметные понятия, категории и универсалии. И, наконец, возникает логическое мышление как таковое, счет и первые представления о количестве, не опирающиеся ни на указания конкретных предметов, ни на память о них («без палочек» и пальцев рук-ног). Осваива-

ются проектные и реляционные, «без-вещные» отношения. Изобретаются бесконечно малые числа и аналитическая геометрия.

Кажется, всё хорошо. Человеческая мысль, повзрослев и встав на собственные ноги, подняла глаза к небу. Проблема, однако, в том, что смотрела она туда все еще ради земли, побуждаемая потребностями свой телесно-духовной жизни. Она *эта*, с определённым артиклем, человеческая, сугубо антропоморфная. Логос, слово, язык, даже числа, пока они действительные, обусловлены эмпирией, хотя бы потому, что они «качественные», всегда «о чем-то». Выражаемое в них знание содержательно. Абстрактность нарастает, но самые тонкие сублимации, самые отдалённые испарения несут в себе следы своего субстрата. Следы бытия. Декарт разделил бытие на две сущности, а потом всё время был озабочен проблемой их взаимодействия. Только Кант решился обрезать пуповину, связывающую бытие с со-знанием и постулировал самотождественность, априорность и независимость последнего. Даже от головы, от физиологии и психики. Осознал *в принципе* его совершившийся «отлёт» от действительности. Для начала – от природы. «Ибо те, кто исследует одни лишь явления природы, всегда остаются одинаково далеки от глубокого понимания первых причин этих явлений и столь же мало способны достигнуть когда-нибудь познания самой природы тел, как те, кто, подымаясь в гору всё выше и выше, стал бы убеждать себя в том, что, в конце концов они

коснутся рукой неба»¹⁰.

Во времена Канта Небо было оппозицией земле, символом чистоты и пустоты, хотя не для всех: у кого-то там были поселения Богов. Если бы он жил сейчас, то мог полнее развернуть свою аналогию. На небе жили и живут «традиционные идеалисты». Метафизические. Как религиозные, так и секуляризованные. Да, они оторваны от земли, однако это, пусть предельное, но абстрагирование, т. е. сохранение связи с тем, от чего уходят. Там могут быть образцы, «эйдосы», предполагающие земное воплощение. В любом варианте: Небо зависит от Земли или, наоборот, Земля порождается Небом, они обуславливают друг друга. Специфика трансцендентального философствования в выходе за пределы системы земля-небо, являющейся своего рода содержательной реализацией традиционного бытия. *Преодолев земное притяжение, человеческий дух, вселившись в голову Канта как космический корабль и используя его хилое тело как ракету, вышел в Космос.* В возможные миры. Детерриториализовался. Виртуализовался. В мега и микро масштабах. Вместо предметного бытия = от бытия, у Канта остаются пространство и время. Существующие а-приорно и аподиктически. Вечно и бесконечно. Это характеристики не субъективного, и не просто объективного и общезначимого, а трансцендентального = трансбытийного сознания. (Имея в виду контекст постмодернизма, лучше бы сказать не «сознания», а «мыш-

¹⁰ Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. Т. 3. М., 1964. С. 137.

ления»; Кант – убийца Духа, прямой убийца, исполнитель и даже Сознания, заказчик; *Вместо них он изобрёл Мысль, Интеллект*; но всему своё время). Транс, через, пост, пере – назначение подобных приставок в обозначении «перехода за», прорыва границы сущего. Границы Земли и её атмосферно-духовной ауры – Неба. П(е)реступание человечества за Бытие. За deadline. *От своего жизненного мира к Иному.*

Поскольку сознание у Канта, принадлежа трансцендентальному надчеловеческому «Я», лишено субъективно-личностных характеристик, универсально и не взаимодействует с объектом, постольку, вопреки школьным представлениям, *он эпистемолог, а не гносеолог*. Притом первый, ибо гносеологизм – предел «идеалистичности», абстрактности традиционного идеализма, ограниченного «основным вопросом философии»: взаимодействием Земли и Неба, материального и идеального, субъекта и объекта. Гносеологизм – категория сознания, до(вне)научного, спекулятивного, не «позитивного». Принципиальная новизна кантовской философии (в сравнении с предшествующей), состоит именно в том, что она его преодолевает. Коррелятом эпистемологии как философии науки, а не философии как метафизики с её онтологией и гносеологией, является постметафизический, т. е. *трансцендентальный* идеализм. Это минимум.

Максимум, что эта сфера чистого разума (постбытийного мышления) с его априоризмом и аподиктичностью есть, говоря языком науки, сфера потенциалистской логики, ак-

сиоматики и дедукции, в конечном счёте, беспредметного, математического, количественно-топологического моделирования реальности. Моделирования как мысленного конструирования. Трансцендентализм – это то, что относится ко всем возможным мирам. Абсолютным максимумом возможностей обладает Ничто. *Трансцендентализм – это то, что относится к Ничто, из которого возникает Всё.* О «всеобщей математике», об «универсальной геометрии», которые применялись бы к любым областям знания, в большей или меньшей степени мечтали все рационалисты. Естественно, в естественных науках, но Гоббс, как известно, предлагал использовать их в политике и юриспруденции, Спиноза пытался делать это в этике, Лейбниц в мышлении вообще, в том числе в философии. «В случае возникновения разногласий, – провидчески писал он, – двум философам не придется больше прибегать к спору, как не прибегают к нему счётчики. Вместо спора они возьмут перья в руки, сядут за доски и скажут друг другу: «будем вычислять»¹¹.

Вот когда ставился вопрос о преодолении логоса (и не в восточно-христианском смысле как «Живого слова», а уже как «рацио») и переходе к когнитивному познанию! Однако выглядело это гносеологической утопией, которая не подкреплялась ни состоянием тогдашней математики, занятой преимущественно изучением постоянных величин и евкли-

¹¹ Цит. по: Рассел Б. Новейшие работы о началах математики. // Новые идеи в математике. Вып. 1. СПб 1913 С. 87–88.

довых геометрических фигур, ни философской тематикой, ориентировавшейся на рассмотрение действительности, а не любых отвлечённых форм мысли. По крайней мере, до создания (не открытия, как часто говорят, а именно создания, конструирования) воображаемой, наконец-то априорной геометрии Н. И. Лобачевского (1826 г.) и спустя три года геометрии Яноша Боляи, который с гордостью писал своему отцу: «Из ничего я создал целый новый мир». Меонист! (с греч.: ме-он = не-бытие). Докантовские рационалисты, если и подводили под всеобщую математизацию теоретическую базу, то она оставалась либо общенаучной, либо апеллировавшей к внерациональным аргументам. Не отказавшись от Бытия в пользу Ничто, не вырвавшись за границу традиционного «онтогносеологического» философствования, не сделав абстракцию первичной, т. е. фактически не аб/стракцией-сублимацией, а суб/станцией, создать её было невозможно. Мировоззренчески эту задачу решил Кант. Преодолев земное притяжение логоса, он вывел математизацию в априорный, пустой и чистый разум-космос, в силу чего его можно считать *первым представителем нигитологии как креативного меонизма, т. е. сверхъестественным идеалистом-конструктивистом* и... философским основателем когнитивистики. Он не просто эпистемолог, а когнитолог. Создатель предпосылок конструктивизма и пост, а как скажем потом точнее, *транс*Модернизма. Хотя, разумеется, возникли другие проблемы, начиная с его собственной

непоследовательности, но всё это на уровне, коррелятивном запросам неклассической науки и постметафизического мировоззрения.

Главной причиной непоследовательности Канта оставалась «вещь в себе», мир, от которого он отказался. Получив после этого антиномические противоречия и начав задышаться в безвоздушном пространстве-времени пустоты, падать, теряя ориентацию и равновесие, в неве(щ)сомости, замерзая среди холодных построений алгебры и геометрии, он был вынужден возвратиться назад, на Землю. Фактически через принцип двойственности истины, прибегнув к практическому разуму, необходимым постулатом которого является существование Трансцендентного Бога. Войдя в этот корабль духовного спасения, он отчалил от абсолютно чистой трансцендентальной апперцепции и, оттолкнувшись, парашютировал «вниз», к эмпирии, к проблемам чувственно воспринимаемой реальности, «метафизики нравственности», «вечного мира», «незаинтересованного», но всё же «удовольствия», другим жизненным формам человеческого бытия. Вплоть до интереса к натуралистическим воззрениям равного ему по исторической роли антипода – Руссо.

К (не)счастью, эстафета борьбы на уничтожение духовного и предметно-чувственного мира, нашей «естественной установки» (через головы Гегеля, Маркса, оставшихся «при бытии», т. е. метафизиками, т. е. не доросшими до у(вы)хода в транс имманентистами) была принята следующим ве-

ликим представителем трансцендентализма Э. Гуссерлем. Он тоже прошёл стадию отказа от метафизическо-идеалистического абстрагирования, называя его, в соответствии с терминологией Платона, эйдетической редукцией и считая недостаточным для создания философии как «строгой науки». Эйдетическая редукция – высшая форма абстрагирования, но она посюсторонняя и референтная, чего-то отражает. А не потусторонняя и не саморефлексивная. Она, следовательно, не трансцендентальна. Это «традиционный» рационализм. Трансцендентальной является *феноменологическая редукция*, в которой проблема внешней реальности решается не через её сублимированно-абстрагированное, но всё равно мешающее чистой логике наличие, с одной стороны, и не через всё же пугающее меонизмом исключение из теоретического со(по)знания, с другой, а путём превращения в его атрибутивное качество. Сознание обладает свойством интенциональности, то есть направленности на реальность по самой своей сути. Как наш взгляд, если мы вменяемы, не безумны, всегда смотрит на что-то, а если мы слушаем, то не тишину, а звуки, так наше сознание всегда «сознание о» – о чём-то. Или чего-то. Вместо поиска объективного, «аффицирующего» нас референта – интенциональность. Вот пункт поворота философствования от метафизики к феноменологии. Отсюда следует, что никакой отдельной «вещи в себе» предполагать не нужно. Она не отброшена, не забыта (как, например, предлагали неокантианцы Марбургской

школы), а учтена, хотя как таковая не существует. Благодаря феноменологической редукции и идее интенциональности получается, что и волки сыты, и овцы целы. Мир помещён в скобки, капсулирован, он больше ничего не загрязняет и никому не мешает, однако, являясь членом алгебраического уравнения, участвует во всех сложениях, умножениях, делениях и прочих его преобразованиях. Он о(за) хвачен сознанием, находится в нём и заключён в него. Это *состояние сознания*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.